

ПОЭТ. ПИСАТЕЛЬ. ВОИН

ВАСИЛИЙ РОМАНОВИЧ ВАВРИК (1889-1970) – этот неподражаемый человек сочетал в себе уникальные качества и прожил жизнь, которой хватило бы на целую сагу.

Он был: поэт, писатель, журналист, знаток нескольких языков, Доктор славянской филологии, преподаватель, исключительной красоты души, участник боевых действий в составе Добровольческой Армии в чине капитана, автор знаменитой книги «Карпатороссы в корниловском походе и Добровольческой Армии» и нескольких других.

Написанного им хватило бы на двадцатитомник. Он автор множества литературных портретов выдающихся деятелей культуры Карпатской Руси. Назовем лишь некоторых: «Мариан Феодорович Глушкевич», «Яков Федорович Головацкий», «Дмитрий Васильевич Залозецкий», «Андрей Васильевич Карабелеш».

Не забудем упомянуть трагический факт жизни Василия Романовича: по ложному доносу (иных и не было) оказался он в австрийском концлагере смерти для русских - Талергофе, где ухитрился издавать подпольную лагерную газету для поддержки духа заключенных. Во время Первой мировой войны зачислен в состав австрийского военного подразделения и отправлен прямо из концлагеря на итальянский фронт. С невероятными трудностями добрался до расположения частей русской Добровольческой Армии. В составе карпаторусского отряда воевал за единую Русь. После войны вернулся в Львов, публиковался практически во всех тамошних периодических изданиях, преподавал русский язык в университете, последняя его трудовая деятельность - старший научный сотрудник Исторического музея Львова.

Немаловажный штрих к биографии Василия Романовича Ваврика: он не только считал себя русским, оторванным от Руси-матери политикой и географией, как и все русские галичане, закарпатцы и буковинцы, но и писал об этом. Во время в Австро-Венгрии повсеместно и неустанно письменно и устно целенаправленно внедрялись и использовались иные слова для обозначения национальности русских подданных империи: рутены, руги, руснаки, русины. Первые три исчезли из обихода с исчезновением Австро-Венгерской империи, осталось по сегодня слово русин в Галичине, Закарпатье и Буковине - древнее название русского, синоним его, которое даже в наше время усиленно пропагандируется: лишь бы не было русских в карпатском крае ни в прошлом, ни в настоящем - русин, как бы и не русский. Но именно русские истинно были там и есть до сих пор: после распада Древней Руси русское население осталось на месте, став подданными чужого по языку, культуре и жизненному укладу государства и гражданами второго сорта. Однако и по-прежнему русин-русский, желают ли того оппоненты или нет. Хоть прошлое русского народа той территории замалчивается и искажается, оно тем не менее воистину говорит и свидетельствует. Да услышим!

В огромном карпатском крае слово русин употреблялось как синоним слова русский, а поэты писали это слово в применении к себе и своим сорочичам чуть ли

не на той же строке, ибо для них слова эти обозначали одно и то же, слова-синонимы. Писал Василий Ваврик в одном из его стихотворений: «Я - русин, / Я русин был и русским буду, / Пока живу, пока дышу.»

Надо отметить и еще один неверный факт: с давних пор и по сей день практически все исследователи и ученые, посвятившие много времени изучению Карпатской Руси, безграмотно, но настойчиво называют русских людей сего края русофилами. И это явное заблуждение не исчезает с годами, а переходит из одного опуса в другой. А что если мы будем называть японцев японофилами, французов французофилами, чехов чехофилами, китайцев китаефилами? Почему нет?

Русское население в Австро-Венгрии составляло 4 миллиона. Получается - 4 миллиона русофилов? Что-то многовато для «любящих». Словарь дает такое толкование: «Фил, филеа (гр., друг, любящий) - в начале и в окончании сложных слов, обозначающих действующее лицо, переводится, как «любящий», «любитель», «друг», напр. филателист, библиофил.» А с чего вдруг 4 миллиона империи оказались любящими русское? Почему не все население поголовно? Ясно, что русские крестьяне империи даже не знали о существовании этого слова, бытовало оно только в официальных бумагах и среди разномастных противников России и всего русского. Знала и местная русская интеллигенция, но слова этого не употребляла.

Русофилом может быть японец, испанец, датчанин, африканец - да кто угодно, но не русский, ибо он русский от рождения. Галицкие русские не должны абсурдно называться русофилами, они просто русские. К тому же в слово это специалисты вкладывают некий отрицательный смысл, но важнее вот что: если русофил, то уже как бы не русский, а нечто иное. А русских в империи просто нет. Вот так австрофилы, венгрофилы, германфилы, полякофилы и прочие филы навесили ярлык на четыре миллиона населения. Надолго... А некий австриец Адольф Шильдгрубер в своей книге «Моя борьба» даже сетовал на засилие в империи славян, которые притесняли немцев. Вот такая империя кривых зеркал...

Но в истребительные австрийские лагеря смерти Талергоф и Терезин в 1914-1917 гг (первые концлагеря в Европе) гнали именно русских, а не русофилов и не русинов. За то, что находили у них портреты классиков русской и мировой литературы - Пушкина и Толстого, за русскую речь на улице, за то, что эти жители считали себя русскими. И почему-то ни лагерная администрация, ни официальные представители власти русинами и русофилами не называли русских узников, тысячами погибавших от голода, вшей, тифа, пыток и издевательств. Продолжалась война на истребление славянства, и, в частности, русских. Началась эта война давным-давно, продолжается по сегодня. Говорить об этом не принято.

При активнейшем содействии Василия Ваврика во Львове был издан «Талергофский Альманах» в четырех томах (1924-1932 гг), в котором приняли участие выжившие бывшие узники австрийских концлагерей...

В этом выпуске рубрики мы познакомим наших уважаемых читателей только с немногими литературными портретами (в сокращении), которые Василий Ваврик посвятил выдающимся, но замолчанным, забытым и забываемым деятелям русской культуры в Карпатской Руси. Люди эти, наши кровные родичи, никоим образом не заслуживают нашего забвения, а лишь благодарности и памяти... И наследие их не русофильское, а русское, наше общее...

Наталья ГАТТАС

ИВАН НИКОЛАЕВИЧ ГУШАЛЕВИЧ (1823-1903) происходил из крестьянской семьи. Родился в с. Паушевке, уезд Залещки, на Подолии. Его родители обрабатывали панцину. Грамоте научился у дьячка, который подметил в нем большие способности к науке. Отец отвез его в Бучач, где он окончил 6 классов гимназии. Два года филологии и четыре года богословия он провел в Львовском университете. В 1848 г. он уже принимал участие в общественной работе как преподаватель одной из львовских гимназий.

Заняв место учителя галицко-русского наречия в гимназии, Иван Николаевич Гушалевич проявил кипучую деятельность в организации русских львовян и в литературных кружках. В 1861 г. он был избран депутатом в краевой галицкий сейм, а 5 лет позже таким же депутатом в австрийский парламент. В обеих законодательных палатах неустанно боролся за права родного народа.

Иван Николаевич Гушалевич начал писать в 1841 г. в самый расцвет романтизма в славянских литературах. Его быстрая популярность была основана на патриотических и лирических стихах, из которых более удачные сразу же после их появления становились достоянием широких масс народа, как, например: «Мир вам, братья», «Красне зоре», «Кто за нами», «Счастье нам», «Живем своим житьем». В т.н. «весну народов» он издал первый сборник своих стихотворений (Перемысль, 1848). На «Соборе русских ученых» выступил с пламенным стихотворением п.з. «До моей родины».

*Гей-же, родино моя, очутися,
песнею-громом,
як света ломом,
вдарь и отозвися!
Видишь сокола, в хмарах петьящего,
богня, вестн несящего,
то вестун твоей доли,
и срываї
железо тяжкой неволи!..*

В 1849 г. Гушалевич стал редактором «Новин» и «Пчелы», в которых помещал много своих стихотворений. Как преподаватель русского языка в 1850 г. издал «Слово о полку Игореве» с обширным пояснением текста. В 1852 г. выпустил в свет второй сборник стихотворений п.з. «Цветы из Наднепрянской левяды» вместе с нотами к некоторым из них: Любвица, Рудковского, Лавровского, Вербицкого и других галицких композиторов. Сборник был одобрен критикой, и в самом деле в нем созрел талант писателя, слова которого слагались в органическую гармонию песни. В 1853 г. Гушалевич принял на себя должность редактора-издателя «Зори». Оставался, однако, им недолго. В 1863-1864 гг. он издавал журнал «Дом и школа». В то время он написал много стихов разного содержания, из которых некоторые отличаются гибкостью, звучностью и чистотой речи, приближенной к русскому литературному языку. Он пробовал свой талант во всех родах лирики и писал песни, оды, элегии, гимны, сказки, баллады, легенды и поэмы. И во всем этом отразилось сильное влияние русских поэтов: Державина, Пушкина, Лермонтова, Хомякова, Языкова и прочих.

В 1881 г. вышел 3-й сборник Гушалевича «Галицкие отголосы». В следующем году он написал поэму «Добош», для которой заимствовал размер пушкинских эпических сочинений. В 1883 г. он составил две повести в стихах: «Галышка Острожская» и «Козацкий поход в Молдавию». Обе повести исторического содержания относятся к XIV в.

В 1884 г. Гушалевич выпустил опять в свет две поэмы историческо-

го содержания: «Бранка» и «Иван Подкова».

Иван Гушалевич известный тоже как драматург. Он написал четыре пьесы из народной жизни, имея в виду просветительную и поучительную цель: в них он высмеивал невежество и пороки галицкого села и проповедывал идею гуманности. Лучшее всех удалась ему пьеса «Подгоряне» (1897), до последнего времени не сходящая с подмостков деревенских театров, благодаря выдержанной композиции и народным песням, положенным на ноты Мих. Вербицкий: «Мы в луг пойдем вместе с косами», «Поле мое, поле» и пр.

Ценные автобиографические воспоминания Ив. Гушалевича «Из хаты в школу» и «Воспоминания старика-очевидца жизни 1848 года» - бросают свет на шляхетские порядки на Галицкой Руси и ее возрождение объявлением конституции.

Умер во Львове, и похоронен на Лычаковском кладбище.

ИСИДОР ИВАНОВИЧ ШАРАНЕВИЧ

родился 4(16) февраля 1829 года в Козаре (Галичина) в семье русского священника. После домашней подготовки он поступил в народную трехклассную школу в Бережанах, где также прошел шесть классов гимназии (1840-1845 гг). Седьмой и восьмой, или как тогда называли «философию», он окончил во Львове (1846-1847 гг). В 1848 г. Исидор Иванович поступил на богословский факультет Львовского университета, где специально изучал историю, много работал в различных семинариях. В 1855 г. Исидор Иванович выдержал в университете экзамен и получил право преподавания в гимназиях истории и географии на немецком и галицко-русском наречии. В 1858 г. он получил звание действительного профессора академической гимназии и исполнял эту должность до 1871 г., когда был назначен суплентом Львовского университета по кафедре австрийской истории. В 1873 г. Исидор Иванович был сделан ординарным профессором... При выходе в отставку он получил от австрийского императора орден Железной Короны третьей степени, а профессора философского факультета устроили ему торжественные проводы, причем декан от лица всех бывших товарищей сослуживцев Исидора Ивановича поднес ему драгоценный перстень...

Исидор Иванович Шараневич много и плодотворно потрудились на поприще изучения истории Галицкой Руси. Он напечатал 125 научных исследований (из них 80 работ вышли на галицко-русском наречии, сближенным автором с общерусским литературным языком, 40 - по-польски и 5 - по-немецки). Изучение прошлых судеб Галичины Исидор Иванович Шараневич ставил широко, не замыкаясь в кругу какого-либо одного вопроса или отдельной эпохи.

Если вообще русская историческая наука не может похвалиться обнаружением или хотя бы точным учетом всех исторических памятников и материалов, то это еще в большей степени относится к Карпатороссии, где определенно сказывается недостаток научных сил и материальных средств, а главное - наличность тех неблагоприятных условий существования под иноземной властью, которая всег-

да как жупела боялась проявления русского духа и готова была стереть всякие следы русской культуры в исконно русском крае... Поэтому уже в самом начале своей научной исследовательской деятельности Исидор Иванович вполне правильно обратил внимание на археологические данные, опираясь на них в своих исторических работах, как на нелицеприятные показания свидетелей о русском облике Галицкой земли. Этому вопросу посвящены, например, такие книги Исидора Ивановича Шараневича, как «Стародавний Галич» (1860) и «Стародавний Львов» (1861). Эти работы подобно первым ласточкам хотя еще и не делали весны, но уже служили хорошим предзнаменованием. В 1860-х гг. на археологию смотрел как на «гробкопательство», своего рода ученое чудачество, без которого-де может вполне обойтись историческая наука, почерпавшая свои материалы почти исключительно в книгохранилищах. Исидор Иванович отдал тогда еще предпочтение заступу перед пером, говорящим камням перед историческими записями. Это свойство ученого сказалось и на языке его трудов: он больше рубит, высекая новые мысли, чем заботится о плавности и красоте своей речи: она всем понятна и ясна, но она никого никогда не пленит. Да, Исидор Иванович Шараневич - каменщик, кладущий прочный фундамент, но не зодчий, поражающий художественный вкус стройностью и изяществом возведенного здания. Исидору Ивановичу как русскому археологу пришлось прокладывать просеки в дремучем лесу неисследованных вещественных памятников по русской истории. Он, как и маститый Антоний Семенович Петрушевич, занимался археологией, «зарывались как кроты в землю» не с тем, чтобы подальше уйти «от шума городского», от жгучих вопросов современности, а для того, чтобы данными прошлого осмыслить настоящее и наметить твердые пути для достижения лучшего будущего. Оба ученые-археологи были не отшельниками, а подвижниками жизни, любящие ее красоту и поэзию, но далекие от ее прозы и сутюжки...

Исидор Иванович не оставлял без внимания и других (в данном случае - рукописных) памятников по русской истории и издал целый ряд галицко-русских грамот. Каждый, кто занимался исследованием этого вопроса, постоянно испытывал досадное чувство по поводу того, что отсутствует издание сборника галицко-русских и вообще южнорусских грамот... Тем не менее Исидор Иванович Шараневич и этот вопрос двинул вперед, опубликовав (в 1883 г.) целый ряд грамот.

Исидор Иванович Шараневич уделял также время изучению русской исторической географии, которой посвящена его работа «Старинные пути русско-угорские через Карпаты и русско-польские через Сян и Вислу» (1869 г.). Опять-таки, если принять в соображение, что даже в России по русской исторической географии имеется всего несколько исследований, то будет ясно, насколько явился дальновидным Исидор Иванович Шараневич в этой области изучения.

Вооруженный знанием целого ряда «вспомогательных дисциплин» (как любят называть иногда археологию, палеографию, историческую географию и т.д.), Исидор Иванович проявил себя и как историк. Основной его труд «История Галицко-Волынской Руси» (1863), за которым следовало множество других исторических работ.

Необходимо отметить, что многие популярно-исторические статьи И.И. Шараневича о Карпатороссии неоднократно перепечатывались в различных школьных хрестоматиях и сослужили службу делу ознакомления карпато-русской молодежи с прошлой жизнью их родины.

(Окончание на 7 стр.)

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВИЧ ЛУЦЫК (1859-1909) обладал природным художественным талантом. Он увлекался не только звуками поэзии, но и музыкой и живописью, и писал под придуманной кличкой: Бодак-Музыка. Колочим «бодаком» (травя с колочками) было его перо против всех закоренелых ретроградов народа, когда он состоял сотрудником сатирического журнала «Страхопуда». Музыкантом он назвал себя потому, что был великим поклонником искусства: песни, музыки художественного слова.

Проведя детство до 12-ти лет в подольской деревне, Владимир Федорович близко присмотрелся к деревенской жизни и к быту крестьян, и многое из подмеченного им в юности вошло в его звучные стихотворения.

*Ниво наша дорогая,
прадеднана ниво,
кровью, потом орошена
на богате жниво.*

*Ой, стелися, пшениченько,
стелися, стелися,
а ты, русский хлеборобе,
к трудам не ленися.*

*И вырасте наша доля,
наша сила, слава,
и воскресне Русь из мёртвых
горда, величава...*

В. Луцык всецело посвятил ся журналистике. Кроме многочисленных статей на злободневные темы в «Галичанине», он с большой любовью трудился над стихами, новеллами и повестями. Всё выходящее из-под его пера отмечалось замечательной стилистической обработкой, изяществом и музыкальностью слова и яркостью красок. Некоторые из них были перепечатаны в России, как лучшие образцы галицко-русской письменности: «Госпожа юность», «Из солдатской жизни», «Любовная комедия», «Месь моря», «Чародейка». В этих повестях заключается много автобиографического материала, а особенно в повести «Странный пациент». Сельский учитель, унаследовавший страшную болезнь, рассказывает врачу всю свою несчастную жизнь, свои страдания, догадки, чувства, опасения. Сознание, что болезнь перейдет на его единственную дочь, лишает его ума.

В самом деле, жизнь Владимира Федоровича Луцыка была непрерывной цепью от страданий. Как литератор, близок к Гаршину: ему довелось вынести немало нужды и горя. Он был одним из членов-основателей «О-ва русских журналистов» в Львове, которое призвано было облегчать судьбу тружеников пера. Свою горемычную жизнь он все-таки закончил в заведении для сумасшедших в Кульпаркове возле Львова. Он был похоронен в гробнице русских журналистов на Лычаковском кладбище при стечении многочисленных своих поклонников.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ГЛЕБОВИЦКИЙ (1876-1918).

К числу самых тяжелых и чувствительных потерь австрийского военного террора 1914-1917 годов следует с особым прискорбием отметить безвременную смерть сравнительно молодого еще и полного сил и энергии, талантливого галицко-русского писателя и общественного

деятеля Николая Павловича Глебовицкого, скончавшегося от нажитой в военных тюрьмах и концентрационных лагерях болезни.

Н.П. Глебовицкий родился в с.Черемхове Коломыйского уезда. Начальное и среднее образование получил в Черновцах и Коломые, после чего поступил на юридический факультет Венского университета, который блестяще окончил со степенью Доктора прав. Посвятив затем несколько лет адвокатской практике, Николай Павлович был весной 1907 г. избран в депутаты австрийского парламента, и с тех пор всецело отдался политической и литературной работе, причем вскоре приобрел широкую популярность и известность как один из самых дельных борцов и защитников русского дела в Австро-Венгрии. Арестованный австрийскими властями в начале войны 1914 г. вместе с остальной массой подвергшихся лютым гонениям русских галичан, он долго томился в различных тюрьмах и лагерях, окончательно подорвавших его слабые силы и развивших в нем тяжкую грудную болезнь, от которой вскоре по возвращении на родину, разбитый физически и душевно, скончался в Лесной Слободке в Коломыйских горах.

Общественной и парламентской деятельностью Н.П. Глебовицкого далеко не исчерпывается еще выдающаяся роль и недюжинное значение его в серой, культурной жизни Прикарпатской Руси. Наряду с этим он приобрел также широкую и почетную известность как талантливый и вдумчивый писатель-беллетрист, оставивший не только в местной литературе крупный и яркий след, но далеко выдвинувшийся из ее скромных рамок на широкий русский простор. Литературное наследие Н. Глебовицкого почти полностью собрано в двух томиках его беллетристических произведений п.з. «Рассказы и очерки» (Львов, 1905) и «Этюды и очерки» (Львов, 1906).

Очерки и рассказы Н.П. Глебовицкого весьма разнообразны и неравноценны как по своему содержанию и тону, так и по внешнему характеру и виду. В то время, когда одни из них в особенности из крестьянской жизни, являются более или менее живыми и реальными отражениями серой действительности и носят места даже бытовой или этнографический отпечаток, когда другие опять посвящены психологическому анализу или политическим или философским размышлениям и рефлексиям, встречается в их числе словно редкие и своеобразные жемчужины также ряд небольших поэтических миниатюр, исполненных самодовлеющей чистой лирики и красочных настроений.

Наибольший интерес представляют рассказы, знакомящие нас с бытом и жизнью галицко-русского народа. В рассказе «Из-за земли» представлена крестьянская драма, где источником страданий, преступлений и вражды является нужда по земле. Рассказ оставляет глубокое тяжелое впечатление. Многие сцены, как писание завещания, соблазн в корчме и суд отличаются глубоким психологическим анализом. Автор хорошо знаком с крестьянской средой, с ее психикой и взглядом на землю. Он обладает тонкой наблюдательностью и умеет схватить и передать характерные черточки галицкого крестьянина. В рассказе «Учительница» изображена зависимость служительницы просвещения от влияния развращенных польских помещиков и ксендзов.

Основные черты художественного творчества Н.П. Глебовицкого - это прежде всего беззаветная любовь к родине и в особенности к несчастному и порабощенному польскими помещиками русскому народу, затем благородный и просвещенный гуманизм и восторженное преклонение перед идеалом правды. В то же время не скрыты от проникновенного взгляда писателя и темные стороны человеческой природы, отчего его думы проникнуты местами безпросветным даже пессимизмом, хотя этот последний смягчается иногда благодушной улыбкой.

(Продолжение следует.)

ПАМЯТИ БОРИСА МОКРОУСОВА

Великая Отечественная война расставила новые ориентиры в советском искусстве, в том числе и в песенном. В 1930-е годы царствовали композиторы, воспевавшие победы в Гражданской войне, свободную от капиталистической жизни, энтузиазм пятилеток и светлое будущее. Этот жанр песен требовал либо маршевых ритмов, либо хоров с оперными солистами, а часто - того и другого. Однако в войну, когда потребовались не праздничные, а суровые солдатские марши, а больше всего - задушевные песни, эти композиторы, за редким исключением, почти никак себя не проявили.

Их место на песенном Олимпе надолго заняли новые, блистательные таланты, вышедшие из низов и глубоко впитавшие русскую народную духовность и песенную культуру, потому и многие их песни воспринимаются как народные. Один из них - Борис Андреевич Мокроусов, 110 лет со дня рождения которого исполнилось 27 февраля 2019 года.

Краткий очерк не позволяет подробно рассказать о его песнях (а всего их написано около двухсот), об истории их создания и исполнения. Напомним только названия хотя бы небольшой части известных его песен.

«Песня защитников Москвы» («Мы не дрогнем в бою за столицу свою, нам родная Москва дорога»). Написана в начале 1942 на стихи А.Суркова к документальному фильму «Разгром немец под Москвой». Мужественные слова, простая красивая мелодия и чеканный ритм сразу же сделали песню самым популярным походным маршем в армии - под «Марш веселых ребят» в войну не маршировалось. Военные журналисты вспоминали: «Когда гвардейцы-танкисты Катукера ворвались на территорию Германии, на первом же привале запели эту песню».

«Заветный камень» (1942, стихи А.Жарова). Написана на основе реального события. Последние уходящие из Севастополя моряки положили в шлюпку своего тяжело раненного товарища, который сжимал в руке кусок камня, отбитого снарядом от парашута на набережной. Умиравший моряк поклялся вернуться в Севастополь и положить камень на место. Известный в свое время исполнитель Л. Утёсов считал «Заветный камень» лучшей песней о войне: «У нас есть царь-пушка, есть царь-колокол, а теперь есть и царь-песня».

«Море шумит» («...грозной волной, чайка летит рядом с кормой. Что ж вы, друзья, приуныли, песни морские забыли?»), стихи самого композитора, 1944. Трогательная песня, и петь её любили не только моряки.

«Песенка фронтового шофера» («Эх, путь-дорожка, фронтовая! Не страшна нам бомбёжка любая»), стихи Н.Лабковского, 1945. Лихая победная песня с большой долей юмора.

«Хороши весной в саду цветочки» («...ещё лучше девушки весной. Встретишь вечерочком милую в садочке, сразу жизнь становится иной»), стихи С.Алымова, 1946. Обе эти песни не только пели, но и танцевали под них, и даже плясали «русскую».

«Одинокая гармонь» («Снова замерло всё до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь»), стихи М.Исаковского, 1946. Потрясающая песня с недосказанным финалом. После первого же исполнения по радио её запела вся страна, а мелодия стала позывной радиопередач, посвящённых войне.

«Услышь меня, хорошая» («... услышь меня, красивая, заря моя вечерняя, любовь неугасимая»), стихи М.Исаковского, 1946.

«Вьётся вдаль тропа лесная» («...светят звёзды ранние. Буду здесь всю ночь без сна я ждать с тобой свидания»), стихи Н.Лабковского, 1949.

«Земля моя раздольная» («... широкие поля. Богатая и вольная, красивая земля»), стихи А.Фатьянова, 1950.

«Сормовская лирическая» («Над Волгой широкой, на Стрелке далёкой гудками кого-то зовёт пароход»), стихи Е.Долматовского, 1951.

«На крыльчке твоём» («... каждый вечер вдвоём мы подолгу стоим и расстаться не можем на

нынешней «попсы», многие современные исполнители возвращаются к «старым добрым песням» Мокроусова. К сожалению, и уровень вокала, и примитивность инструментального сопровождения зачастую производят впечатление пародии на старое исполнение. Отчаиваться, однако, не будем. Из интернета можно скачать всё самое лучшее из наследия Бориса Андреевича и в самом лучшем исполнении.

Землячка композитора, нижегородский музыковед В.Г.Блинова, глубоко изучавшая его творчество, рассказывала: «...Собственно музыка Мокроусова, песня - без всяких натянутостей. Это очень высокое искусство, и

главное, чем оно дорого, дороже всего, - его искренность, непосредственность. Песни его - они как воздух, льются сами собой, никакого напряжения, никакой искусственности не чувствуется, и это, по-моему, очень дорого. Подобное не так часто бывает, и не так многих [композиторов] можно назвать. А у него это было сильнейшее чувство. Он, конечно, это знал, понимал, но к чести его, никогда не бравировал этим. Хотя я его не видела и непосредственно с ним знаком, не была, но лучше, чем что-либо, знакомая с ним его собственные песни. Судя по песням, можно составить совершенно правильно его человеческий портрет, не только художественный, но только как песенника, но и как человека. И, я могу сказать, что это тоже дорогого стоит...»

«Куплеты Курочкина» из к/ф «Свадьба с приданным» («Хватать, милая, не стану, знаю сам, что говорю»), стихи А.Фатьянова, 1952.

«Всегда ты хороша» («Веселая и грустная, как русская душа, как наша песня русская, всегда ты хороша»), стихи Н.Глейзерова 1952.

«Костры горят далёкие» («... луна в реке купается, а парень с милой девушкой на лавочке прощается»), стихи И.Шамова, 1953.

«Осенние листья» («... шумят и шумят в саду. Знакомой тропой я рядом с тобой иду»), стихи М.Лисянского, 1953.

«Улица родная» (из к/ф «Весна на Заречной улице»), стихи А.Фатьянова, 1956.

«Где ты» («... где ты, где ты, друг любимый мой? Буду до расвета я встречи ждать с тобой»), стихи Н.Черкеза.

Все эти песни пелись так же легко, как поются народные песни. А легко не только потому, что у них очень красивая мелодия, но и потому, что написаны они были не «на слова», как пишется «попса», а на стихи (почувствуем разницу!).

«Жди солдата» («Ой, красоты над Волгой закаты. Ты меня провожала в солдаты...»), слова С.Острового, 1956. Стала одной из самых популярных строевых песен в армии.

«Вологда» («Письма, письма лично на почту ношу, словно я роман с продолженьем пишу...»), слова М.Матусовского. Эту песню первые исполнители не сразу прочувствовали, потому и не смогли донести её прелесть до слушателя, пока на эстраде не появились «Песняры».

Исполнить талантливые песни Б.А.Мокроусова считали за честь лучшие певцы 1940-60-х годов - Георгий Абрамов, Владимир Нечаев, Георгий Виноградов, Владимир Бунчиков, Иван Шмелёв, Марк Рейзен, Георг Отс, Зоя Рождественская, Виктория Иванова, Ружена Сикора. Их исполнения на телевидении записаны не были, а по радио они, увы, не звучат. Правда, вдоволь напевшись

главное, чем оно дорого, дороже всего, - его искренность, непосредственность. Песни его - они как воздух, льются сами собой, никакого напряжения, никакой искусственности не чувствуется, и это, по-моему, очень дорого. Подобное не так часто бывает, и не так многих [композиторов] можно назвать. А у него это было сильнейшее чувство. Он, конечно, это знал, понимал, но к чести его, никогда не бравировал этим. Хотя я его не видела и непосредственно с ним знаком, не была, но лучше, чем что-либо, знакомая с ним его собственные песни. Судя по песням, можно составить совершенно правильно его человеческий портрет, не только художественный, но только как песенника, но и как человека. И, я могу сказать, что это тоже дорогого стоит...»

А «человеческий портрет» Мокроусова, родившегося в Нижнем Новгороде, был таков: внук крестьянина, сын железнодорожного рабочего, он был высок ростом, степен, светловолос, голубоглаз, сердечен, добр и широк по натуре, иногда наивен и слишком прямолинеен, а потому бывал жертвой интриг некоторых пройдохистых и завистливых членов Союза композиторов.

В последние годы Борис Андреевич тяжело болел, в редкие периоды улучшения строил творческие планы, но выйти из больницы ему было не суждено - умер он 59-ти лет отроду. Последней его работой стала музыка к фильму «Неуловимые мстители» (1967). Он был и навсегда остался, по точному выражению его современника, «певцом народной души».

Москвичи могут прийти на Новодевичье кладбище и поклониться праху великого композитора. Остальным же остаётся просто помнить его, а всем нам - слушать его раздольные или нежные, грустные или веселые, но всегда красивые и целомудренные песни (а уж совсем хорошо, если и самим их петь), получать душевную уладу и приобщать к истинно русской музыке своих детей или внуков.

Валерий ГАБРУСЕНКО,
Новосибирск